

КАБАРДИНСКИЕ КНЯЗЬЯ В ГОРОДЕ ТЕРКИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

Тхамокова Ирина Хасановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), omarakana@mail.ru

В статье рассматривается недостаточно изученный период истории города Терки, охватывающий конец XVII – начало XVIII в. Документы, как хранящиеся в архивах, так и опубликованные, позволили дополнить и уточнить сведения о кабардинских князьях, живших в этом городе. Приведены доказательства того, что в 1681 г. власть над черкесами и окочанами Терского города перешла от потомков князя Сунчалая к сыновьям Канбулата Пшимаховича Черкасского, т.е. к другой ветви Идаровых (Черкасских). Они занимали столь же высокое положение в социальной иерархии Терского города, как и их предшественники. Рассмотрена деятельность кабардинских князей – сопровождение грузинских посольств, регулирование торговли, борьба с донскими казаками-«раскольниками». Особое внимание уделяется их роли в важнейших событиях истории города Терки, в том числе в стрелецком восстании 1705 г., одним из последствий которого явилась ссылка князя Адилгирея Черкасского. Отмечено, что и после этого брат Адилгирея Дивей и еще один Идаров – Батыр мурза – сохраняли свое влияние не только в городе, но и в регионе, что позволило им уберечь от разорения свою слободу в 1708 г.

Ключевые слова: город Терки, народы Кавказа, кабардинские князья, стрельцы, восстание 1705 г., казаки.

Город Терки был основан в 1588 г. в дельте Терека в нескольких верстах от Каспийского моря. Долгое время он оставался главной опорой царской власти на Кавказе, единственным городом, которым управляли присланные из Москвы воеводы и в котором несли службу стрельцы и казаки. Кабардинские князья жили в городе Терки на протяжении едва ли не всей его истории. Под их началом находились кабардинцы, окочане и другие жители Кавказа, заселившие пригородные слободы. Деятельность князей Сунчалая, Муцала, Каспулата Муцаловича Черкасских на протяжении первых восьми десятилетий XVII в. хорошо известна, о них писали многие историки. Значительно хуже исследован следующий период (конец XVII – начало XVIII в.). Его изучала Н.Б. Голикова [Голикова 1975; Голикова 1982], но она занималась преимущественно историей Астрахани, а городу Терки уделяла значительно меньше внимания, и ее работы неизвестны большинству кавказоведов. Точно так же на протяжении 10 с лишним лет оставался не востребовавшим опубликованный Н.Б. Голиковой сборник документов «Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века» [Социальные движения... 2004] – важнейший источник сведений о стрелецком восстании 1705 г. в Терках.

О деятельности кабардинских князей в Терках в начале XVIII в. писал также Дж. Рахаев, он же издал ряд документов по истории этого города [Рахаев 2012]. Однако некоторые вопросы (например, наказание князя Адилгирея после подавления восстания 1705 г.) не нашли отражения в его работах. Предшествующим

периодом, т.е. последними двумя десятилетиями XVIII в., этот автор не занимался. Другие исследователи, если и затрагивали историю города Терки тех лет, то очень кратко.

Основная задача статьи заключается в восполнении пробелов, касающихся жизни кабардинских князей в городе Терки в конце XVII – начале XVIII в., в дополнении и обобщении всех имеющихся сведений по этой теме. В качестве исторических источников используются документы, как хранящиеся в архивах, так и опубликованные.

Они позволяют, в частности, ответить на вопрос о том, кто из кабардинских князей заменил Каспулата Муцаловича после его смерти. У него был сын – «Бибулат мурза князь Каспулатов сын Черкасский» [АИ 1842, т. 5: 403; ДАИ 1869, т. 11: 140], однако не он унаследовал власть в Терках после своего отца.

Место Каспулата Муцаловича занял его родственник Салтанбек Канбулатович Черкасский [Века... 2017: 103]. Это подтверждается документом, опубликованным в сборнике «Кабардино-русские отношения»: в 1681 г. «пожаловал великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич ...терского Салтанбека-мурзу Канбулатовича Черкаскаго, велел его писать княжим именем и ведать на Терке черкас и окочан, которые ему, великому государю, служат» [КРО, т. 1: 376]. Однако в научной литературе нет сведений о происхождении Салтанбека Канбулатовича, его месте в родословной кабардинских князей. Этот пробел можно восполнить, опираясь на документ, опубликованный еще в XIX в. – окладную роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. Она упоминает о том, что Салтанбек Канбулатович, как и его братья Дивей и Адилгирей, был сыном князя Канбулата Пшимаховича Черкасского [Окладная роспись... 1893: 49], а значит – внуком Пшимахо Канбулатовича и правнуком князя Канбулата, брата Темрюка Идарова. Каспулат Муцалович и его предки вели свое происхождение от другого брата Темрюка. Тем самым власть над черкесами и окочанами Терского города перешла к другой ветви Идаровых (Черкасских). Некоторые авторы, как в XIX в., так и в наше время, называли одного из братьев – Адилгирея – не Канбулатовичем, а Каспулатовичем, и считали его сыном Каспулата Муцаловича Черкасского, но это ошибка [Потто 1912: 102; Рахаев 2012: 52, 135]. В документах отчество Адилгирея и его братьев – Канбулатовичи.

Салтанбек Канбулатович, как и его предшественники, управлял служилыми черкесами и окочанами города Терки. Некоторые авторы XIX в. писали, будто кабардинские князья имели власть также и над терскими казаками и даже были их атаманами [Попко 1880: 81]. Однако это не соответствует действительности и не подтверждается ни одним из документов. В процитированной выше царской грамоте о назначении Салтанбека Канбулатовича князем над черкесами и окочанами Терского города тоже нет ни одного слова о казаках. Кабардинские князья могли командовать казаками только в случаях совместных военных походов. К 1681 г. численность казаков Терского города сократилась до минимума, и эта группа казачества была упразднена. Власти предложили немногим оставшимся к этому времени на службе казакам записаться в стрельцы, а в противном случае им прекращали выплачивать жалованье [Окладная роспись... 1893: 50]. После этого на протяжении долгого времени в городе не было казаков. Далеко за его пределами жили «вольные» гребенские и терские (т.е. расселившиеся по реке Терек, но не в городе Терки) казаки.

Одной из задач кабардинских князей, живших в Терском городе, с давних пор являлось сопровождение посольств в Грузию и обратно. В 1681 г. имеретинский царь Арчил собрался ехать в Москву и обратился в Терки с просьбой прислать служилых людей для сопровождения и охраны. Навстречу ему выехал Салтанбек Канбулатович, «а с ним ратных людей пришло: конных Стрельцов – 70 человек, новокрещенов – 14 человек, окочен – 23 человека, гребенских казаков – 50 человек»

[Материалы... 1974, ч. 1: 89]. Однако Арчил считал, что их недостаточно его защиты, поскольку он узнал, что тарковский Будаи-шамхал собирался захватить его и выдать иранскому шаху. Салтанбек Канбулатович со своими людьми вернулся в Терки. Только в следующем, 1682 г., удалось собрать достаточно сил для встречи царя Арчила. Сопровождать царя снова отправился Салтанбек Канбулатович Черкасский вместе со своими братьями Дивеем и Адилгиреем, «а с ними их узденей 300 человек да терских казаков и татар с 700 человек» [Материалы... 1979, ч. 3: 82]. К этому времени Салтанбек Канбулатович уже получил царскую грамоту, назначавшую его князем над «черкасами и окочанами» города Терки. По мнению Арчила, именно по случаю его приезда Салтанбеку Канбулатовичу и был пожалован этот титул [Материалы... 1979, ч. 3: 101]. Царь благополучно прибыл в Терки, а оттуда отправился в Астрахань.

Как показывают приведенные документы, при сопровождении грузинского царя под командованием Салтанбека Канбулатовича находились не только черкесы и окочане, но также и стрельцы, и терские и гребенские «вольные» казаки, и «татары» (видимо, ногайцы). Такие многонациональные отряды в Терском городе собирались нередко.

О дальнейшей деятельности князя известно немного. В 1682 г. уздени Салтанбека Канбулатовича вместе с гребенскими казаками доставили в Москву захваченных ими пленных – «языков» [РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Стлб. 148. Л. 16, 18]. В 1684 г. князь извещал Астраханского воеводу о готовящемся походе донских казаков на Куму [ДАИ 1869, т. 11: 133]. В 1687 г. терчане и гребенские казаки принимали участие в Крымском походе. Возможно, что с ними был и Салтанбек Канбулатович, но точных сведений об этом нет [Устрялов 1858: 387; Материалы... 1979, ч. 3: 85].

В 1688 г., когда имеретинский царь Арчил возвращался на родину, Салтанбека Канбулатовича уже не было в живых [Материалы... 1979, ч. 3: 82]. Вместо него его братья Дивей и Адилгирей и терские служилые люди, окочане и гребенские казаки сопровождали Арчила [Материалы... 1979, ч. 3: 110]. Он просил о том, «чтоб великие государи пожаловали Дивея да Адигирея Канбулатовых, как отцу их было Канбулату и брату их Салтанбеку Терское княжество», и при этом не забыли бы им объявить, что такой чести они удостоены по случаю проезда царя Арчила и для того, чтобы они проводили впоследствии и его сына Александра [Материалы... 1979, ч. 3: 103]. Однако в этот раз просьба царя Арчила, видимо, не была удовлетворена.

В тот период Терский город оказался в сложном положении. В 1689 г. он пострадал от сильного пожара: «город Терек деревянной и в нем сгорело все без остатку» [АИ 1842, т. 5: 313]. После этого пожара городские стены пришлось отстраивать заново.

В тот же период на Кавказе появились бежавшие с Дона казаки-«раскольники». Они поселились на Куме, а затем – «под владеньем Будаи шевкала на реке Аграхане» [РЧО 1997: 251], т.е. недалеко от Терского города. Вместе с подвластными шамхала они нападали на терских служилых людей на суше и на море. Жители города оказались в очень сложной ситуации: «выезду им с Терка от воровских казаков и Будаи шевкалова владенья кумычен и еманчеев для дров и на рыбную ловлю и никуда для нужд ездить стало невозможно: воровские казаки раскольщики и шевкаловы татара и кумыченя безпрестанно под город подбегают, и которые терские жители для своих нужд не токмо что для промыслов и для дров выезду, и тех имая бьют и грабят и в полон емлют» [РЧО 1997: 254]. Кроме того, город пострадал от эпидемии. Терский гарнизон сократился и ослабел. Если когда-то терские воеводы посылали на помощь терским и гребенским казакам своих «ратных людей», то теперь они сами нуждались в помощи. В 1691 г. по царскому указу 100 «вольных» терских и гребенских казаков отправились в Терки для охраны города [АСПБИИРАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12185. Л. 2].

Жители Терок, в том числе и самые высокопоставленные, покидали город. Среди уехавших были Дивей и Адилгирей Черкасские и княгиня Таука Салтанбековна Черкасская, мать боярина Михаила Алегуковича Черкасского, занимавшего высокие должности в Москве [Кашкин 1912: 9–10]. Они поселились на реке Кизляр и собирали пошлину с приезжавших к ним торговать купцов [РЧО 1997: 253]. Город Терки лишился значительной части доходов. В свое время князь Каспулат Муцалович за свои заслуги перед государством получил право собирать таможенную пошлину в Терках [ПСЗРИ-1 1830, т. 2: 185]. Теперь вместо него это делали Таука Салтанбековна, Дивей и Адилгирей. Они играли важную роль и в политических, международных отношениях, особенно в то время, когда в Терках была эпидемия. В 1690 г. грузинский посол, возвращаясь из Москвы и не заезжая в Терки, отправился к Тауке Салтанбековне «и был де он у нее в улусах две недели, и Таука де Салтанбековна, дав ему в провожатых черкеса, отпустила на Гребни, не заимую ж Терка» [Несколько документов... 1973: 589].

В 1691 г. царскому посланцу Ивану Басову был дан наказ советоваться по поводу беглых донских казаков «со вдовою княгинею Таукою Салтанбековною, и как она в том деле прикажет ему поступить, и ему так велено и делать...» [Акты Войска... 1891: 164]. Княгиня, видимо, располагала большими ресурсами и возможностями.

В 1692 г., когда аграханские казаки-«раскольники» решили уйти на Кубань или в Крым, стрелецкий голова Сербин обратился за помощью к Тауке Салтанбековне. Этот случай показывает, какой властью она пользовалась в регионе. Княгиня послала своих узденей к эндирейскому «владельцу» Муртазали и его брату Амирхану «и приказала им, чтоб они служа Великим Государем их Царскому Величеству, не опустя таких воров в Крым, учинили над ними промысл; и Муртазалеев брат Амир хан, собрався с своими Чеченцами, также и княинены уздени, догнав тех воровских казаков осадили на реке Сунче, и учинили с ними бой, и тех воровских казаков розбили, жен их и детей побрали в полон, а иных из них побили и живьем взяли...» [АИ 1842, т. 5: 370]. Только небольшой группе «раскольников» удалось уйти на Кубань, за ними в погоню отправился Амирхан вместе с чеченцами и кумыками. Именно Таука Салтанбековна сыграла решающую роль в организации этого разгрома «воровских» казаков.

После этого «раскольники» уже не представляли большой угрозы для города Терки. Эпидемия тоже прекратилась. Терский гарнизон в конце XVII в. был значительно усилен. В 1696 г. в Терках было только 73 конных стрельца и 109 пеших [АИ 1842, т. 5: 463], но затем туда были переведены служилые люди из других городов, в том числе московский стрелецкий полк П. Козлова [Голикова 1982: 40–41]. Дивей и Адилгирей, как можно понять из документов начала XVIII в., вернулись в Терки. В 1700 г. Адилгирей побывал в Москве. Как полагает Дж.Я. Рахаев, именно тогда Адилгирей был назначен князем над черкесами и окочанами г. Терки [Рахаев 2012: 52]. Это вполне вероятно, потому что с тех пор Адилгирей в документах стали именовать князем (раньше его называли мурзой). Но мнение о том, что он получил тогда власть и над казаками – повторение старых ошибок.

В начале XVIII в. те самые Амирхан и (возможно) Муртазали, которые десятью годами ранее, выполняя царскую волю и распоряжение Тауки Салтанбековны, разгромили казаков-«раскольников», стали нападать уже на городки гребенских казаков, верно служивших царю. Как писал В.А. Потто, ссылаясь на неизданные документы П.Г. Буткова, именно князь Адилгирей тогда помог казакам, в то время как терский воевода отказался это сделать [Потто 1912, т. 1: 101–102]. Впрочем, сам воевода приписывал заслуги в защите казаков себе. По его словам, он собрал «владельцев» соседних народов и взял с них обещание напасть на Амирхана, если тот не признает власть царя и не прекратит воевать против казаков, после чего Амирхану пришлось покориться [РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 458. Л. 204–204 об.].

Соперничество между терскими воеводами и кабардинскими князьями, которым подчинялась значительная часть населения города, было обычным явлением, сохранялось оно и в начале XVIII в.

В 1705 г. началось стрелецкое восстание в Астрахани. Как только об этом узнал терский воевода, он «призывал» к себе князя Адилгирея и его брата Дивея, а также «всех мурз и терчан дворян и детей боярских, и стрелецких конного и пеших полков начальных людей, и урядников на совет о том, чтоб астраханских воров к Терку не припустить и терчанам никому к ним не приставать» [Социальные движения 2004: 292]. Воевода, видимо, придавал большое значение позиции Адилгирея и Дивея. Если до начала восстания он конфликтовал с ними (жил «немирно», как писал Адилгирей), то теперь стал им во всем уступать [Голикова 1975: 245].

Однако и восставшие астраханские стрельцы, видимо, рассчитывали привлечь князя на свою сторону. Они присылали ему письма (так же как и терским жителям, и гребенским казакам) [Социальные движения 2004: 260]. В этих письмах астраханцы сообщали, что «великого государя в живе нет, а обладали де веру немцы и велят молитца болваном», а также, что у них в Астрахани «стало смятение за веру христианскую, и за брадобритие и за неметцкое платие мужеское и женское, и за табак и за отлучение церкви божи...» [Социальные движения 2004: 197]. Эти письма, по словам терского воеводы Д. Молостова, «учинили великую смуту во всех чинах русских людей и басурман, и черкас, и окочен, и нагайцов и гребенских казаков, бутто за веру стоят, а с ними, астраханскими, в соединении быть. И в том русские и гребенские казаки крест целовали, а иноверцы куран» [Социальные движения 2004: 41]. В восстании, таким образом, приняла участие большая часть жителей города Терки – люди разных национальностей и вероисповеданий.

Во время восстания в Терках были созданы социальные институты, подобные казачьим – войско с общим войсковым кругом или собранием, в котором принимали участие не только стрельцы и казаки, но, видимо, и Адилгирей и Дивей. Из города Терки писали в Астрахань: «Как будет у нас собранье и общий совет, и на чем положим всем войским, с князьями, и гребенские казаки и з грацкими жители, и мы прямую отповедь пришлем...» [Социальные движения... 2004: 196].

Воевода был отстранен от власти, и, тоже по примеру казаков, был заменен атаманом: «...в то время на Терках были вместо воеводы для росправы всяких дел атаман Василей Авдеев с товарищи» [РГАДА. Ф. 371. Стлб. 1145. Л. 18]. Сам он в письмах называл себя старшиной [Социальные движения... 2004: 184–190]. По неизвестной причине в атаманы выбрали случайного человека, москвича, занимавшегося в Терках торговлей [Голикова 1975: 119]. Он, по словам воеводы, «был в атаманех поневоле» [Социальные движения... 2004: 261], что во многом предопределило быстрое поражение восставших.

Восстание поддержали не все жители города. Наиболее активными его сторонниками были стрельцы «выписного» полка, переведенного в Терки из Москвы. Они убили своего полковника Илью Некрасова, которого обвинили в присвоении денег и даже в убийствах [Социальные движения... 2004: 264, 349].

В то же время в терском конном стрелецком полку было много противников восстания. Некоторые жители города, в том числе и атаман (старшина) Авдеев и Дивей Черкасский, а также гребенские казаки пытались защитить воеводу. Они писали повстанцам в Астрахань, что «худых никаких дел за ним не знают», что присланные в Терки царские указы «об усах и бородах и о немецком платье» воевода им «вычитал и ни в чем не неволил, и от церковей божиих» никого не отлучал [Социальные движения... 2004: 185]. В то же время стрельцы Московского полка планировали захватить воеводу, но им это не удалось.

Одним из противников восстания был Дивей Черкасский. Когда большая часть жителей Терок приняла решение присоединиться к астраханцам, то Дивей выступил

против них: «только де один Дивей Канбулатович Черкасской с узденем Темирханом не соединился и на них кричал» [Социальные движения... 2004: 260]. В доме Дивея скрывались сыновья воеводы [Социальные движения... 2004: 257, 297]. Он же помог воеводе отбить денежную казну, которую везли восставшим стрельцам в Терки из Астрахани, «и оттого в городе учинилась великая тревога» [Социальные движения... 2004: 42, 257].

Менее понятна роль князя Адилгирея Черкасского в этих событиях, хотя терский воевода пишет о его помощи в подавлении восстания. По его свидетельству, Адилгирей и Дивей Черкасские помогли ему захватить зачинщиков восстания в Терках [Социальные движения... 2004: 258]. В то же время Адилгирей переписывался с астраханскими повстанцами и даже в некоторых случаях сотрудничал с ними. Когда корабль дербентского купца сел на мель недалеко от Терок и был разграблен, Адилгирей по просьбе астраханских старшин вернул награбленное и выдал своих людей, принимавших участие в грабеже, что вызвало ссору с Дивеем [Голикова 1975: 250].

Терскому воеводе удалось объединить всех противников восстания, привлечь на свою сторону тарковского шамхала Гирея и эндирейского Чепана-шамхала, а также брагунского владельца Кучука и подавить восстание [Социальные движения... 2004: 42–43, 258–259].

Началось следствие и расправа [Социальные движения... 2004: 350–351]. Первоначально они не затронули Адилгирея Черкасского. В июне 1707 г. он приехал в Москву за жалованьем [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1707 г. Д. 1. Л. 5 об.–12]. Однако в августе того же 1707 г. конные терские стрельцы, противники восставших, подали в Преображенский приказ донос на Адилгирея Черкасского, обвинив его в том, что он «во время астраханского бунта, на терского их воеводу и на них, терчан, которые к бунтовщикам не пристали, умышлял их побить до смерти, и был с теми бунтовщиками заодно» [Социальные движения... 2004: 360]. Хотя показания этих стрельцов противоречили свидетельству воеводы, но им, вероятно, поверили. Нашлись также письма, которые князь посылал восставшим астраханцам. Он пытался объяснить, что «писал к ним обманом, хотя от них всякую ведомость получить, чтоб от них, бунтовщиков, Терку разорену не быть» [Социальные движения... 2004: 362]. Однако, его доводы, видимо, не убедили Петра I. В 1708 г. по царскому указу князь Адилгирей Черкасский был «бит кнутом и послан на житье к Архангелскому городу» [Социальные движения... 2004: 362]. После этого калмыцкий хан Аюка несколько раз просил об освобождении Адилгирея, но безуспешно [Голикова 1975: 307]. Больше об этом князе ничего не известно.

Его брат Дивей продолжал жить в слободе рядом с Терским городом, и сыграл важную роль в событиях 1708 г., когда город подвергся нападению соседних народов. Многие авторы датируют его 1707 годом, однако документы того периода доказывают, что это ошибка, о чем писала еще Н. Голикова [Голикова 1982: 31]. Но в то же время в ее работе (как и во многих других) есть одна неточность – утверждается, что набег на Терки осуществили кубанские татары. Однако документы, в том числе письма астраханского воеводы П.М. Апраксина и свидетельства участников этих событий, говорят о том, что в нападении приняли участие многие кавказские народы: «чеченцы, мичкисы, аксайцы, тавлинцы, и Андреевской деревни кумыки», ногайцы, а также «воры прежние» аграханские казаки и пришедшие с Кубани казаки-«раскольники» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 7. Л. 148; Рахаев 2012: 321]. Во главе этого разнородного войска стоял Мурат Кучуков – «самозванной башкирской салтан», как называют его документы [Рахаев 2012: 318]. Покинув свою родину, он побывал в Крыму, в Стамбуле и на Кубани, а оттуда приехал к чеченцам [Рахаев 2012: 319–321].

В ночь на 12 февраля 1708 г. нападавшие вошли в Терский город через пролом в стене. Часть гарнизона и жителей укрылись в кремле. Во время вылазки

им удалось взять в плен предводителя осаждавших, однако осада кремля продолжалась шесть недель, несмотря на помощь, присланную астраханским воеводой П.М. Апраксиным [Рахаев 2012: 322–323; РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 7. Л.148–148 об.]. Многие жители города умерли от голода, другие попали в плен и в рабство [ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 1. Л. 2]. Город был разграблен и сожжен. Оставшиеся горожане жили «в великой нужде» [ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 1. Л. 6].

Во время этого нашествия, как сообщил вождь нападавших, к нему пришел Дивей мурза Черкасский и просил о том, чтобы его слобода не подвергалась разграблению. С той же самой просьбой обратился еще один влиятельный человек – Батыр мурза Черкасский. Благодаря их заступничеству, «те де их бусурманские слободы и ныне ничем не разорены» [Рахаев 2012: 322]. В то же время, как говорил Мурат Кучуков, он не был с ними знаком до нападения на Терки, они к нему раньше не приезжали, они не получили ничего из награбленных в городе вещей, т.е. они не были причастны к нападению на Терки. Более того, двух людей Дивея Черкасского нападавшие подозревали в том, что они везли в Астрахань письма с известиями о происходящем. Однако поскольку писем при них не нашли, их отпустили.

Батыр мурза, который вместе с Дивеем просил пощадить жителей слободы, в одном из документов назван Батыром мурзой Отобжуковым сыном Черкасским [Социальные движения... 2004: 191]. В окладной расходной росписи на 1681 г. упоминается уже умерший к тому времени брат Каспулата Муцаловича Черкасского «Ходождука» [Окладная роспись... 1893: 49]. Возможно, что Батыр мурза был его сыном, т.е. племянником Каспулата Муцаловича, что объясняет, почему он пользовался в Терках таким влиянием. Упоминается Батыр мурза и в материалах более позднего времени – он вплоть до Персидского похода Петра I жил в Терках, и в его ведении находились окочане [Бутков 1869, ч. 1: 15], но более подробных сведений о нем нет.

В конце XVII – начале XVIII в. кабардинские князья, как и в предшествующий период, занимали высокое положение в социальной иерархии Терского города. Различие заключалось в том, что в 1681 г. власть над живущими в городе черкесами и окочанами перешла от потомков Сунчалея к сыновьям Канбулата Пшимаховича Черкасского – Салтанбеку, Адилгирею и Дивею, представлявшим другую ветвь Идаровых. В конце XVIII в. не меньшей, если не большей властью, чем они, пользовалась Таука Салтанбековна Черкасская.

Князья встречали и провожали грузинских послов и царей, ездивших в Москву и обратно, они боролись с донскими казаками-«раскольниками». Дивей Черкасский был одним из последовательных противников восставших стрельцов в 1705 г., а его брат Адилгирей был осужден и наказан за причастность к этому «бунту».

Кабардинские князья играли активную роль в межнациональных контактах на Северном Кавказе. Самые разные народы и этнические группы – черкесы, окочане, русские жители города Терки, гребенские и донские казаки, чеченцы, ногайцы, народы Дагестана, грузинские цари и их свита – так или иначе были связаны с князьями, являясь их подчиненными, их соседями, их соратниками или противниками.

Источники и литература

1. *АИ* – Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею: в 5 т. Т. 5. СПб.: Тип. II отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. 539 с.
2. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным: в 3 т. Т. 1. Новочеркасск: Изд. Обл. правл. Войска Дон., 1891. 321 с.

3. АСПБIIИРАН – Архив Санкт-Петербургского института истории РАН.
4. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: в 3 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Академии наук, 1869. 545 с.
5. Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.) / рук. науч. проекта, научный редактор Дзамихов К.Ф. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 542 с.
6. ГААО – Государственный архив Астраханской области.
7. *Голикова Н.Б.* Астраханское восстание. 1705–1706 гг. М.: Изд. Моск. Ун-та, 1975. 328 с.
8. *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд. Моск. Ун-та, 1982. 216 с.
9. ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией: в 12 т. Т. 11. СПб.: тип. И. Праца, 1869. 312 с.
10. *Кашкин Н.Н.* Родословные разведки: в 2 т. Т. 1. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1912. 451 с.
11. КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М.: Изд. Акад. наук, 1957. Т. 1. XVI–XVII вв. 478 с.
12. Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII века): в 3 ч. / подготовка, предисловие и комментарии Г.Г. Пайчадзе. Тбилиси: Мецниереба. Ч. 1. 1974. 391 с.; Ч. 3. 1979. 271 с.
13. Несколько документов к истории русско-грузинских взаимоотношений во второй половине XVII века // Исторический вестник, № 27–28. Тбилиси, 1973. С. 532–603.
14. Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 4 (167). М.: Универс. тип., 1893. С. 48–50.
15. *Попко И.Д.* Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. В. I. Гребенское войско. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1880. 517 с.
16. *Потто В.А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1912. Т. 1. 117 с.
17. ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 2. 974 с.
18. *Рахаев Дж.Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг. Российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII в. М.: Универс. Д. Пожарского, 2012. 779 с.
19. РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
20. РЧО – Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. док. / Выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. М., 1997. 415 с.
21. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сб. док. / подгот.: Н.Б. Голикова. М.: Дрвлекранилище, 2004. 416 с.
22. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1. СПб.: Тип. II отд. Собств. Имп. Канцелярии, 1858. 582 с.

**THE KABARDIAN PRINCES
IN THE CITY OF TERKI
AT THE END OF THE XVII – THE BEGINNING
OF THE XVIII CENTURY**

Tkhamokova Irina Hasanovna, Candidate of History, Senior Researcher of the Ethnology and Ethnography Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), omarakana@mail.ru

In article rather poorly studied period in the history of the city of Terki – the end of XVII – the beginning of the XVIII century is considered. Documents as stored in archives, and published, allowed to add and specify the information about the Kabardian princes living in this city. Proofs that in 1681 the power over Circassians and Okochans of the city of Terki passed from descendants of the prince Sunchaley to Kanbulat Pshimakhovich Cherkassky's sons, i.e. to other branch Idarovy (Cherkassky) are provided. It is noted that they held so high position in social

hierarchy of the Tersky city, as well as their predecessors. Activity of the Kabardian princes – support of the Georgian Embassies, trade regulation, fight against the Don Cossacks – «dissenters» is considered. Special attention is paid to their role in the most important events of history of the city of the Grater, including in a streletsky revolt of 1705, one of consequences of which was the reference of the prince Adilgirey Cherkassky. But also after that Divey, Adilgirey's brother and also the Batyrmurza kept the influence not only on the residents of Terky, but also on the next people that allowed them to protect from plunder the suburb in 1708.

Keywords: Terki, Circassians, Okochens, Kabardian princes, streletsky revolt 1705, Cossacks.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-74-82